

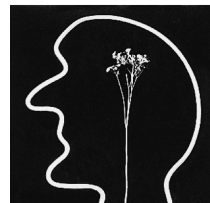
ЖИВОТНЫЕ КАК НЕ-ЛИЧНОСТНЫЕ СУБЪЕКТЫ ПРАВА

© 2017

*А. Эльжановский,
Т. Петжиковский*

Исторически животные рассматривались в качестве объектов (собственности, торговли), средства передвижения и т.д. Даже в том случае, когда они оказывались в качестве субъектов, это не приносило им пользы. В Античности и Средневековье животных использовали для жертвоприношений, их преследовали как носителей злых духов или же попросту считали злодеями. Веками животные представляли перед судом, им выносили приговоры (а иногда и оправдывали) так, как если бы они были личностными субъектами, не отличающимися от взрослого, сознательного и ответственного человека. Так или иначе, с ними, равно как и с людьми, обращались жестоким образом — издевательство над животными не было “чем-то отличным от общего отношения к подчиненным существам”, таким как дети, прислуга или крестьяне [37].

Ни Ренессанс, ни Просвещение не улучшили положение животных. Объединение христианства, гуманистического антропоцентризма и механистического видения мира, увенчанное влиятельной философией Р. Декарта, породило тенденцию полной десубъективизации животных. В результате издевательство над животными потеряло какое-либо моральное значение и в последующие века открыло путь для все возрастающей эксплуатации животных человеком. Учение об эволюции в XIX веке стало предвестником изменений, оно дало толчок к осуществлению гуманитарной защиты животных в странах Северной Европы. К сожалению, полувековое царствование бихевиоризма (ок. 1920–1980), в рамках которого рассмотрение психических состояний животных считалось ненаучным, сделало невозможным дискурс о субъектности животных, маргинализовало их гуманитарную защиту и сохранило (вслед за США) их беспощадную реификацию в качестве товара или инструмента производства (в форме массового выращивания и тестирования на животных различных субстанций).

**ПЕРСПЕКТИВЫ
ГУМАНИЗМА**

**Эльжановский
Анджей
(Elżanowski
Andrzej) —**

биолог, зоолог позвоночных. Занимается морфологией и эволюцией птиц, теорией эволюции и биотикой. Профессор в отделе “Artes Liberales” Варшавского университета; член научного совета Института палеобиологии Польской академии наук, многократно избранный в Комитет эволюционной и теоретической биологии Польской академии наук, а также других советов международных научных сообществ; член Главного управления и заведующий секцией благополучия животных Польского этического общества “Веган”. В журнале “Человек” публикуется впервые.
E-mail: elzanowski@miiz.waw.pl

25

**Петжиковский
Томаш
(Pietrzykowski
Tomasz) —**

юрист, занимается этическими аспектами законодательства, биоэтикой и проблемой правовой субъектности, а также правовой защитой животных. Проректор Силезского университета, профессор отдела теории и философии права Силезского университета, зам. заведующего Польской этической комиссии по опытам на животных. В журнале “Человек” публикуется впервые. E-mail: tomasz.pietrzykowski@us.edu.pl

Перевод статьи, опубликованной на польском языке: *Elżanowski A., Pietrzykowski T. Zwierzęta jako nieosobowe podmioty prawa // Forum prawnicze. 2013. Luty.*

¹ В англо-американской литературе речь в основном идет об агентивности (agency), как если бы имплицировалась субъективная сфера, то есть субъектность в нашем понимании. Например, вся книга [1] посвящена интуитивной и литературной перцепции субъектности и агентивности животных.

Только в конце XX века под влиянием сравнительной психологии и практической философии (главным образом П. Сингера и Т. Ригана) произошел переворот в области социальных позиций по отношению к животным. Результатом стали попытки снизить жестокость массовой эксплуатации не-человеческих субъектов в производстве и биомедицине. Правда, пока они представляются малоэффективными в связи с отсутствием понятийного “моста”, который сделал бы возможным применение научно обоснованных философских постулатов (таких как равное уважение интересов или прирожденные моральные права животных, если они касаются человеческих индивидов) в области законодательства и хозяйственной практики. По нашему мнению, субъектность как раз и есть то центральное понятие, которое позволяет применять прогресс науки и этики в законодательстве и социальной практике.

О субъектности можно говорить в нескольких взаимосвязанных, но все-таки разных значениях. Субъектность в своем основном значении — перцептивно-когнитивная (особенно в когнитивном аспекте она также классический предмет философских рассуждений). В смысле обладания сферой субъективных чувств субъектность делает возможной агентивность (agency)¹, то есть активные действия в отличие от их рефлексивного исполнения, на чем основывается различие между причинной агентивностью (agentcausality) и событийной обусловленностью (eventcausation) [см., напр.: 20]. На базе перцептивно-когнитивной субъектности позвоночных (Vertebrata) у гоминидов (Hominidae) эволюционировала личностная субъектность, основывающаяся на понимании агентивности и ответственности, что имплицитно моральную агентивность. Субъектность, вытекающая из умственных способностей, — объективный, выработанный в ходе эволюции атрибут некоторых животных (Metazoa). Она может быть определена (что, однако, не обязательно означает ее полное понимание или объяснение) в биологических терминах. Она также обладает явными импликациями для этического статуса существ, наделенных перцептивно-когнитивной субъектностью, независимо от их биологического вида либо их естественного или искусственного происхождения (клоны, химеры, искусственный интеллект).

В то же время наличие юридической субъектности определяет само законодательство. То, кому либо чему в данном законодательстве будет приписана субъектность, всякий раз определяется решением законодателя, которое отражает его моральные или фактические убеждения. В различных законодательных системах в подобной субъектности отказывали (и отказывают) многим не поддающимся сомнению обладателям не только перцептивно-когнитивной субъектности, но также полной личностной субъектности (например, рабам, женщинам, апатридам и лицам, объявленным вне закона). С перспективы современного знания и этических стандартов несложно увидеть

иррациональность такого рода исключений. Также современные знания в области когнитивной психологии, нейробиологии и эволюционной биологии предоставляют убедительные аргументы в пользу наделения, как минимум, позвоночных животных юридической субъектностью в том, что касается основного набора прав, защищающих их элементарные интересы.

Перцептивно-когнитивная субъектность

С развитием науки в последние 30–50 лет субъектность как сфера внутренних субъективных переживаний стала доступна объективным научным исследованиям. Это происходит благодаря закреплению объективных коррелятов в качестве все более точно локализованных (методом нейроанатомии и нейроэтологии) мозговых центров, генерирующих определенные виды впечатлений и влияющих на наблюдаемое поведение. Более того, субъективные состояния имеют определенные физиологические корреляты в виде концентраций определенных гормонов и нейропроводников, что используется, среди прочего, в исследованиях благополучия животных. Несмотря на превалирующий в науке редуccionистский подход и его полный успех в объяснении действия всех эффекторных систем, оказалось, что большую часть поведения человека и других позвоночных животных невозможно объяснить без предположения о наличии определенного центрального (влияющего на все действия мозга, в том числе и поведения) ментального состояния, называемого сознанием. Отсюда в нейробиологии как противоположности редуccionистского коннективизма появился нейросубъективизм, согласно которому каждая убедительная модель работы мозга должна учитывать центральные аффективные состояния [26].

Наука предоставляет критерии для разграничения объектной и субъектной жизни. Большая часть организмов, в том числе, скорее всего, большинство животных (Metazoa в научной классификации), — это только устройство для репликации собственной ДНК, то есть живущие объекты. Только у некоторых животных, у позвоночных, а также, возможно, некоторых членистоногих (в частности, ракообразных) и головоногих в процессе эволюции для указанной цели было включено сознание, которое инициировало эволюцию субъектной жизни. Вместе с сознанием биологические ценности, измеряемые дарвиновским успехом размножения (fitness) как позитивные (например, пища или кров), так и негативные (например, повреждения или угрозы), стали восприниматься в качестве хороших или плохих. Биологические ценности конвертировались в субъектные (равно чувства) ценности — иными словами, произошла их субъективизация [27; 12].

Несложно заметить, что множество наших сильных чувств (голод, сексуальные чувства, страх, чувства, связанные с изме-

ПЕРСПЕКТИВЫ ГУМАНИЗМА

нением социального статуса, и др.) соответствует как знаку или валентности (+/-), так и концентрации биологической ценности ситуации, что верно и в отношении других позвоночных [8; 13]. В мозге позвоночных, который лучше исследован, а возможно, и является единственным генератором субъективных ценностей во Вселенной, все время происходит конвертирование биологической ценности стимулов в ощущения. Именно благодаря данному конвертированию или в результате него у нас есть желания (интересы) — мы хотим есть, работать, любить, двигаться вверх по социальной лестнице. И, как минимум, часть этих потребностей мы разделяем с другими млекопитающими и позвоночными. Разделение жизни на субъектную и объектную имеет очевидное и фундаментальное биоэтическое значение, однако до сих пор это слабо понимается.

Субъектность есть атрибут, вытекающий из когнитивной способности к сознанию, то есть созданию и оперированию репрезентациями внешних ментальных объектов, а также состояниями собственного организма. Если *A* сознает *B*, это означает, что *A* — субъект, познающий (ощущающий) *B*, то есть *A* имеет умственное (ментальное, центральное) представление о *B*. Сознание, которое определяется как идентификация объекта или события в результате его умственного представления, можно эмпирически протестировать, помимо прочего, с помощью теста на постоянство объекта (*object permanence*) или на его узнавание благодаря разным чувствам (*cross modal matching*) — кошка, которая тянется лапой за игрушкой, попавшей под ковер, проходит оба теста. На основе упомянутых, а также других усложненных тестов сделан вывод: млекопитающие, птицы и некоторые другие позвоночные обладают сознанием, то есть они — субъекты перцептивно-когнитивные.

Человек разделяет с другими млекопитающими базовые (в смысле их биологической ценности) отрицательные ощущения, генерируемые в так называемой лимбической системе. Иными словами, боль, а также страх и беспокойство — это эмоции, вызванные неудовлетворенным ожиданием, а субъекты, живущие в семейной группе (даже временной), — дистресс изолирования. Положительные ощущения, менее определенные и индивидуализированные, генерируются в системе вознаграждения мозга позвоночных [24; 3]. Млекопитающие и менее исследованные птицы разделяют с человеком одни и те же основные категории источников приятного: исполняющие акты, внесексуальные социальные контакты, апетентийное и эксплоративное (собственная активность) поведение, а также игру, которая эволюционировала (независимо у млекопитающих и у птиц) из функциональных действий именно по той причине, что последние сами по себе являются вознаграждающими (независимо от исполняющих актов, к которым они приводят или не приводят).

Благодаря позитивным ощущениям субъектная жизнь может иметь (и обычно имеет) положительную ценность (если

только не будет потеряна из-за содержания в неволе и плохих бытовых условий), что подчеркивает анахронизм традиционного законодательства в области защиты животных, сводящегося к запретам на издевательство или мучение, как если бы животные могли только страдать, а не ощущать приятное. В свете современного знания очевидно, что млекопитающие, птицы и другие позвоночные обладают индивидуальными интересами, которые понимаются как *ожидаемые* ценности восприятия актов потребления или избегания обратного. У млекопитающих эти ценности измеряются в области лобной доли мозговой коры [известна как орбитофронтальная кора (orbitofrontal cortex)], расположенной у приматов над глазными впадинами [21]. Из самой природы позитивных и негативных ощущений следует, что субъект стремится к максимализации ощущений позитивных и минимализации негативных, то есть к максимализации благополучия, и заинтересован во всем том, что позволяет его достичь.

Перцептивно-когнитивная субъектность позвоночных, конечно, эволюционировала — от самой простой (сохранилась у земноводных и некоторых рыб), охватывающей элементарные ощущения в реакции на действия стимулов (например, боль, ощущение тепла и холода, страх перед непосредственной угрозой), до сложной у многих млекопитающих и птиц, жизнь которых полна ощущений, помимо прочего, благодаря вознаграждающему действию собственной активности (работы), особенно изучения окружения, социальных контактов и игр. Млекопитающие и птицы обладают ощущениями даже во время сна (в REM-фазе, когда видят сны) [43]. Субъектность некоторых социальных млекопитающих обогащена ощущениями других субъектов, чаще всего членов собственной группы, но не ограничивается ими. Такие млекопитающие способны к заместительным (эмпатичным) ощущениям, которые могут мотивировать к оказанию помощи или по-другому влиять на поведение. Действия, в основе которых лежит эмпатия, распространены у дельфинов [33], слонов [9], приматов (особенно человекообразных, у которых они в той или иной степени сочетаются с действиями, обусловленными моралью) [41; 42; 34], а также грызунов [17; 2]. Так, дельфины и слоны помогают пострадавшим других видов, крысы же спонтанно освобождают своих запертых сородичей и делятся с ними кормом. Эмпатия может мотивировать делать добро без участия морали.

Самого ощущения хватает для того, чтобы обладать интересами, однако его не хватает для активных действий (агентивности). В последнем случае необходимы как принятие решения, так и мотивация, которая является частью воли. В этом смысле волей обладают все субъекты. За принятие решений у млекопитающих отвечает часть лобной доли мозга, так называемая прифронтальная кора (prefrontal cortex)², в частности ее глазничные извилины, ответственные за оценку ценности ожидае-

² Прифронтальная кора лучше исследована у приматов, но она также присутствует у других млекопитающих [см.: 22; 16]. Более развернуто импликация развития прифронтальной коры описаны в [30].

мых потребительских актов (так называемых goal values) [см., напр.: 15]. За желание (wanting), то есть мотивацию последовательных appetenцийных поведений, отвечают боковая часть гипоталамуса, связанный с ним центр конечного мозга (некоторые базальные ядра) и центр (брюшная часть покрывки) среднего мозга (tegmentum) [25; 4].

Мотивация с участием сознания (то есть сама субъектность) в отличие от действия стимулирующих механизмов (hard wiring) подразумевает определенную более или менее ограниченную возможность выбора собственного поведения. Если бы, однако, понятие “воля” подразумевало придуманную философами “свободную волю”, тогда оно потеряло бы какое-либо практическое применение (особенно для законотворчества), поскольку прийти к единому мнению о том, что такое “свободная воля”, не получилось бы, да и, скорее всего, единое мнение здесь попросту невозможно. Похоже, как и множество прочих абстракций, понятие “свободная воля” было образовано как логическая противоположность полному рабству и как такое оно не наполнено смыслом, поскольку абсолютная свобода решения (как и свобода чего-либо другого) невозможна.

Однако воля в используемом (но редко определенном) гуманитариями (а среди них и юристами) значении может пониматься шире и охватывать сознание собственной агентивности, то есть результатов собственного действия, что в свою очередь может подразумевать ответственность моральную (а также юридическую). В подобном “сильном” значении воля может быть свойственна лишь личностным субъектам (человекообразным и, возможно, другим самым “интеллигентным” млекопитающим и птицам), обладающим рефлексивным самосознанием.

Личностная субъектность

Обязательным атрибутом субъектности является отличие себя от окружения, то есть некий уровень самосознания (осознание самого себя). Минимальный уровень самосознания, функционирующий у всех субъектов (конечно, включая и нас) — это отличие собственного тела от внешнего мира на уровне ощущений. Перцептивного самосознания достаточно для ощущения собственной интегральности (конечно, без аперцепции и концептуализации этого чувства), угрозы для нее или ее нарушения (даже если последнее само по себе безболезненно). Зато у человекообразных, слонов [31], дельфинов и представителей семейства врановых [32] дополнительно эволюционировало рефлексивное самосознание, позволяющее узнавать себя в зеркале. Одновременно это означает и осознание самого себя в качестве похожего на других членов группы. Некоторые исследователи (особенно психиатры), занимающиеся исключительно людьми [7], считают рефлексивное самосознание единственной формой сознания. Подобная позиция приводит к то-

му, что большинству нечеловеческих субъектов (а также маленьким детям) отказывают в сознании. Это, конечно, ошибочное мнение — рефлексорное самосознание не могло бы эволюционировать без способности к сознанию элементов окружения и собственного тела.

Рефлексорное самосознание подразумевает субъектность второго ряда (метасубъектность), то есть взгляд на себя как на перцептивно-когнитивного субъекта и как на агента. Способность понимать собственную агентивность подразумевает осознание причинно-следственной связи, лучшим тестом которой является производство инструментов для текущих, заранее непредвиденных целей, — кроме человекообразных, данной способностью обладают врановые [35]. Теоретически можно ожидать, что понимание собственной агентивности вместе с эмпатией должно генерировать чувство моральной ответственности, а также самооценку (оценку “я”), которые в свою очередь генерируют атрибутивные ощущения [23], такие как гордость, чувство вины, чувство удовлетворения собой. Так, шимпанзе [39; 40] после драки мирятся, залечивают раны на теле противника и очень страдают после проигрыша в борьбе за лидерство в группе. Шимпанзе — простые, хотя четко дискриминирующие моральные агенты, у которых действие эмпатии обычно ограничено собственной семьей и узким кругом помогающих друг другу друзей [36³]. Со “своими” шимпанзе делятся пищей, выражают им благодарность, вознаграждают за прислуживание, помогают в достижении ими практических целей, но одновременно требуют от них взаимности, принимают ответные меры (моральная агрессия) за ее несоблюдение (измена союзника, которому ранее оказывалась помощь). У врановых эмпатия слабо выражена (или недостаточно исследована [14; 10; 11]), и пока не существует аргументов в пользу моральной агентивности у птиц.

Самоосознание себя как агента с моральной ответственностью за свои поступки отличает человекообразных, выступающих в качестве личностных субъектов или просто личностей, — данное заключение нашло отражение в так называемом проекте человекообразных и “Декларации прав человекообразных” [38]. Как и в случае других продуктов эволюции, определение личности (личностной субъектности) есть и останется отчасти навязанным (особенно учитывая ископаемые формы), но только отчасти, поскольку, как и в случае определения больших групп организмов (млекопитающие, птицы), оно может и должно отражать переломные моменты или релятивные организационные нелинейности. Таким переломным моментом стало появление сознания агентивности, оно сделало возможным создание настоящего общества (society), базирующегося, среди прочего, на понимании или ощущении ответственности его членов. Скорее всего, осознание агентивности (своей и других) способствовало возникновению речи у людей (Homininae), первой

³ В данном обзоре применяются строгие критерии для оценки исследований нечеловеческих субъектов и нереалистичная усредненная модель человеческого поведения, основанная на данных по современным обществам, мораль которых столетиями эволюционирует под влиянием западной этики.

функцией которой было информирование других членов группы о том, что делать и каким образом (например, при создании инструментов) [6].

Юридическая субъектность животных

Традиционно содержание правовых норм базируется на дихотомии вещей (объектов прав или правовых отношений), а также индивидов, которым приписываются права и обязанности⁴. В свете современного знания и его этических импликаций данная дихотомия оказывается анахронизмом, который тормозит развитие законодательства, а опосредованно — также и моральный прогресс⁵. Слишком сложные, чтобы их можно было просто игнорировать, факты, касающиеся перцептивно-когнитивной субъектности животных, привели в XX веке к относительно распространенной в европейском законодательстве их *дереификации*. Примером служит ст. 1 действующего в Польше Закона о защите животных, согласно которой “животное как живое существо, способное страдать, не является вещью” (аналогичные законы действуют во многих других европейских законодательствах, например в Германии и в Австрии).

Однако реальные последствия принятия дереификативных актов обычно ничтожны, поскольку животные, которые перестают быть “вещами” — объектами прав и обязанностей человека, — не становятся при этом субъектами, имеющими какие-либо “собственные” права. Как показывает практика, одна только декларативная дереификация не вызывает реального “отщевеления” юридического статуса животных. На это указывает, например, тот факт, что контроль за соблюдением законов о защите животных в большинстве стран (и, к сожалению, также и в Польше) остается в руках министров сельского хозяйства. К животным продолжают относиться как к объектам производства питания — передвигающейся (пока еще) говядине или свинине.

Полагаем, реальная юридическая дереификация животных требует превращения их в реальных носителей собственных субъектных прав, охватывающих защиту их базовых интересов (связанных с ограничением до минимума страданий, которые человек может причинить животным во имя реализации собственных потребностей и стремлений). По нашему мнению, это не должно привести к радикальному и сиюминутному исключению всех укоренившихся форм эксплуатации животных человеком (выращивание и убийство ради еды, научных экспериментов или содержание в зоопарках). Связывание постулата признания субъектности животных с такими радикальными последствиями было бы полным игнорированием реалий и означало бы потерю практических шансов на значительный (возможно, ключевой) прогресс в стандартах защиты животных — благодаря присвоению им ограниченной не-личностной субъектности.

⁴ Это касается правила, распространяющегося на человеческие личности (физические лица), а также различные формы их организационного сотрудничества (юридические лица).

⁵ Об усложнении способа, с помощью которого в этическом и правовом дискурсах функционирует понятие “личность”, см. [5].

Невозможность сиюминутного превращения мира в аркадию животных не должно быть барьером для принятия действий, благодаря которым мир хотя бы в чуть меньшей степени может стать их “вечной Треблинкой” [28]. Представляется, что постулат признания субъектности животных не должен означать то же, что и требование полной аболиции всех практик их эксплуатации. Следствием признания субъектности животных стало бы, однако, как минимум, кардинальное преобразование системы соблюдения и применения обязанностей человека по отношению к животным, используемым в хозяйстве, экспериментах или сфере развлечений, а также ограничение или элиминация тех форм эксплуатации животных, что кардинально нарушают их базовые интересы во имя человеческих капризов (например, ношение меха животных, когда доступны другие виды теплой одежды).

Вопреки часто встречающимся аргументам, такого рода субъективизация животных с правовой точки зрения не была бы чем-то абсурдным или даже сложным для представления или правового формирования [см.: 29]. Концептуально-теоретическую возможность наделяния животных правами (и, таким образом, правовой субъектностью) рассматривали в качестве совершенно очевидной такие выдающиеся теоретики юриспруденции XX века, как Г. Кельзен (H. Kelsen), А. Росс (A. Ross), Н. Маккормик (N. MacCormick), Л. Петражицкий (L. Petrażycki) и др. Субъектами права выступают не только разнородные формы организации и сотрудничества людей (в том числе существующие исключительно на бумаге, не имеющие никакого “личностного” субстрата), имущественная масса, умершие, духи и другие “сверхъестественные” формы бытия; ведутся дискуссии о наделянии субъектностью памятников, природных сред обитания или следующих поколений (rights of future generations). Статус субъекта права может иметь каждая форма бытия, которой законодательство “засчитывает” определенные права. Предпосылки подобного “засчитывания” прав могут носить моральный (как в случае многовековой борьбы за признание правовой субъектности каждого человека, несмотря на морально иррелевантные индивидуальные различия) или прагматичный характер (как, например, в отношении различных форм кооперации людей и создаваемых ими организаций).

По нашему мнению, как моральные, так и прагматические доводы полностью обосновывают постулат наделяния позвоночных животных не-личностной правовой субъектностью. Последние обладают свойствами, делающими из них владельцев собственных индивидуальных интересов. Эти интересы признаются и защищаются правом в гораздо меньшей степени, чем те того заслуживают с точки зрения морали даже тогда, когда существуют законы, которые запрещают поступки, их нарушающие. Помимо прочего, подобное имеет место по-

ПЕРСПЕКТИВЫ ГУМАНИЗМА

тому, что обязанности человека по отношению к животным трактуются не как вытекающие из прав, гарантированных законом определенному животному и защищающих его легитимные интересы, а лишь как действия, требуемые с учетом ценности и доводов в пользу общественного порядка, социальной морали, чувств других людей, заботы о безопасности животного производства и т.п. Субъектность животных должна означать преобразование норм, их защищающих, в положенные им индивидуальные права, несоблюдение которых означало бы не только действие против признанных правовых ценностей (общественный интерес), но и нарушение сферы субъектной правовой защиты, положенной каждому конкретному животному исходя из ущерба, который был бесправно ему причинен.

Права животных как не-личностных субъектов, естественно, должны охватывать только определенный, относительно узкий (по сравнению с правами типичных личностных субъектов) перечень базовых прав, соответствующих таким интересам и потребностям животных, которые можно рационально определить и защите которых не препятствовала бы коллизия с другими, имеющими больший вес правами и интересами других субъектов (особенно личностных). Определение такого перечня, вне сомнения, — вещь спорная, требующая рефлексии как моральной, так и экономически-социальной. Последняя должна быть построена на солидном современном научном знании о перцептивно-когнитивной субъектности животных, указывающей на характер и диапазон их потребностей и интересов, которые возможны с точки зрения правовой защиты.

Ключевым эффектом правовой субъектности животных стало бы новое определение защиты их интересов. Полагаем, оно не может строиться только на одних адресованных человеку обязанностях воздержаться от определенных актов жестокости по отношению к животным, а должно базироваться на субъектных правах, коими было бы наделено само животное. Уважение такого права (защищаемого правом интереса) конкретного животного (или группы животных) соблюдалось бы по аналогии с защитой прав недееспособных к самостоятельной защите (также правовой) людей (маленьких детей, лиц с ограниченными возможностями, больных в бессознательном состоянии).

Не-личностный характер субъектности животных должен быть связан с обладанием правами без сопровождающих обязанностей (возможных только в случае личностных субъектов). Правовая ситуация обладающих субъектностью животных в этом плане также напоминала бы современный статус тех личностных субъектов, которые в связи с возрастом (маленькие дети) либо дисфункцией (ограниченные возможности, тяжелая болезнь) не могут выступать субъектами обязанностей и нести ответственность за их невыполнение. Правовая субъек-

ектность животных как не-личностных субъектов права означала бы приписывание им лишь определенного круга прав, защищенных нормами уголовного и административного права, а также (что необходимо решительно постулировать) признание их субъектного статуса на уровне конституционного права.

Субъектность в представленном понимании, по сути, ограничивалась бы исключительно пассивной “виктимальной” способностью восприниматься законом в качестве субъекта, права которого могут быть нарушены действиями личностных субъектов права⁶. Следовательно, ущерб, причиненный животным (вытекающий из бесправного нарушения их прав), подвергался бы определенным репрессивным и экзекутивным санкциям, что налагались бы (от имени пострадавших в результате данного действия) назначенными представителями (личностными субъектами). Подобная конструкция — обладание правами субъектом, не способным самостоятельно добиваться собственной защиты, и передача этой защиты другим субъектам, имеющим соответствующие способности, — достаточно известна и укоренена во многих институтах правопорядка.

Представляется, что непосредственными базовыми практическими импликациями субъектности животных должны быть существенное повышение уровня правовой защиты их интересов, а также кардинальная реформа системы контроля над исполнением их прав, особенно наделение назначенных для этого органов или субъектов ролью формального правового заместителя или представителя (в том числе процессуального) животного, который бы имел право и обязанность совершать действия, необходимые для надлежащей защиты животного от нелегитимного нарушения его прав.

Не менее важными, однако, остаются и действия, направленные на то, чтобы правовая субъективизация животных в дальнейшей перспективе создавала условия постепенного преодоления в западной культуре ментального и исторического “багажа” отношения к животным как к предметам. Не только содержание закона, но также его язык (в частности, имплицированный им “аксиологический посыл” [18]) во многих случаях может привести к изменению правового сознания, а значит — убеждений и моральных впечатлений их адресатов. В некоторой степени, как нам кажется, в XIX—XX веках законодательство в области защиты животных исполняло подобную роль. Благодаря ему (наряду с прогрессом науки, в частности постепенным проникновением в социальное сознание этических импликаций эволюции) в настоящее время начинают складываться условия для совершения очередного законодательного шага, опережающего и катализирующего дальнейшие культурные перемены касательно взгляда на отношение человека к не-человеческим субъектам.

⁶ О пассивных и активных способностях субъектов права, а также полном разделении пассивной и активной способностей см., напр.: [19].

Литература

1. *Animals and Agency: An Interdisciplinary Exploration* / eds. McFarland S.E., Hediger R. Leiden; Boston: Brill, 2009.
2. *Bartal I.B., Decety J., Mason P.* Empathy and Pro-Social Behavior in Rats // *Science*. 2011. Vol. 334. P. 1427–1430.
3. *Berridge K.C.* Comparing the emotional brains of humans and other animals // *Handbook of Affective Sciences* / eds. R.J. Davidson, K.R. Scherer, H.H. Goldsmith. Oxford: Oxford Univ. Press, 2003. P. 25–51.
4. *Berridge K.C., Robinson T.E.* Parsing reward // *Trends in Neurosciences*. 2003. Vol. 26. P. 507–513.
5. *Brożek B.* Pojęcie osoby w dyskusjach bioetycznych // *Stelmach J., Brożek B., Soniewicka M., Zażuski W.* Paradoxy bioetyki prawniczej. Warszawa: Wolters Kluwer Polska, 2010. S. 43.
6. *Corballis M.C.* The Lopsided Ape: Evolution of the Generative Mind. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1991. P. 163–164.
7. *Damasio A.R.* Tajemnica świadomości. Poznań: Dom Wydawniczy Rebis, 2000.
8. *Dawkins M.S.* From an animal's point of view: motivation, fitness and animal welfare // *Behavioral and Brain Sciences*. 1990. Vol. 13. P. 1–61.
9. *Douglas-Hamilton I., Bhalla S., Wittemyer G., Vollrath F.* Behavioural reactions of elephants towards a dying and deceased matriarch // *Applied Animal Behaviour Science*. 2006. Vol. 100. P. 87–102.
10. *Edgar J.L., Lowe J.C., Paul E.S., Nicol C.J.* Avian response to chick distress // *Proceedings of the Royal Society B*. 2011. Vol. 278. P. 3129–3134.
11. *Edgar J.L., Paul E.S., Harris L.* et al. No evidence for emotional empathy in Chickens observing familiar adult conspecifics // *PLoS ONE*. 2012. Vol. 7. e31542. <http://doi:10.1371/journal.pone.0031542>.
12. *Elżanowski A.* O wartościach i ich ewolucyjnym pochodzeniu // *Filozofia przyrody — dziś: Philosophy of Nature Today* / eds. Ługowski W., Lisiejew I.W. Warszawa: IFIS, 2010. S. 162–173.
13. *Elżanowski A.* The moral career of vertebrate values // *Evolutionary Ethics* / eds. Nitecki M.H., Nitecki D.V. Albany; N.Y.: State Univ. of New York Press, 1993. P. 259–276.
14. *Fraser O.N., Bugnyar T.* Do Ravens show consolation? Responses to distressed others // *PLoS ONE*. 2010. Vol. 5, N 5. e10605. <http://doi:10.1371/journal.pone.0010605>.
15. *Hare T.A., O'Doherty J., Camerer C.F.* et al. Dissociating the role of the orbitofrontal cortex and the striatum in the computation of goal values and prediction errors // *The J. of Neuroscience*. 2008. Vol. 28. P. 5623–5630.
16. *Jelsing J., Hay-Schmidt A., Dyrby T.* et al. The prefrontal cortex in the Göttingen minipig brain defined by neural projection criteria and cytoarchitecture // *Brain Research Bulletin*. 2006. Vol. 70. P. 322–336.
17. *Langford D.J., Crager S.E., Shehzad Z.* et al. Social modulation of pain as evidence for empathy in mice // *Science*. 2006. Vol. 312, N 5782. P. 1967–1970.
18. *Łętowska E.* Dwa cywilnoprawne aspekty praw zwierząt: dereifikacja i personifikacja // *Studia z prawa prywatnego. Księga pamiątkowa ku czci Profesora Biruty Lewaszkiewicz-Petrykowskiej* / ed. by Szpunar A. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1997. S. 71–92.
19. *MacCormick N.* Institutions of Law. N.Y.: Oxford Univ. Press, 2007. P. 87–88.
20. *Nagel T.* Pytania ostateczne. Warszawa: Aletheia, 1997.
21. *O'Doherty J., Kringelbach M.L., Rolls R.T.* et al. Abstract reward and punishment representations in the human orbitofrontal cortex // *Nature Neuroscience*. 2001. Vol. 4, N 1. P. 95–102.

22. Öngür D., Price J.L. The organization of networks within the orbital and medial prefrontal cortex of rats, monkeys and humans // *Cerebral Cortex*. 2000. T. 10. P. 206–219.
23. Ortony A., Clore G.L., Collins A. *The Cognitive Structure of Emotions*. Cambr.: Cambr. Univ. Press, 1988.
24. Panksepp J. Affective consciousness: core emotional feeling in animals and humans // *Consciousness and Cognition*. 2005. Vol. 14. P. 30–80.
25. Panksepp J. *Affective Neuroscience: The Foundations of Human and Animal Emotions*. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1998. P. 144–146.
26. Panksepp J. Możliwość subiektywnego doświadczenia została wbudowana w mózg ssaków przez ewolucję // *Natura emocji: Podstawowe zagadnienia* / eds. Ekman P., Davidson R.J.; przekł. Wojciszke B. Gdańsk: Gdańskie Wydawnictwo Psychologiczne, 1998. S. 332–335.
27. Panksepp J. Subiektywność mogła rozwinąć się w mózgu jako prosty proces kodowania wartości ułatwiający uczenie się nowych zachowań // *Natura emocji*. S. 264–266.
28. Patterson C. *Wieczna Treblinka*. Opole: Vega!POL, 2003.
29. Pietrzykowski T. Czy prawa dla zwierząt są nonsensem? // *Kultura Liberalna*. 2010. N 69. URL. <http://kulturaliberalna.pl/2010/05/04/singer-pietrzykowski-kozlowski-czy-polskie-zwierzeta-maja-prawa/#2>.
30. Pietrzykowski T. The roots of normativity. From neuroscience to legal theory // *Studies in the Philosophy of Law* / eds. Stelmach J., Soniewicka M., Załuski W. T. 4: *Legal Philosophy and the Challenges of Biosciences*. Kraków: Wydawnictwo Univ. Jagiellońskiego, 2010. P. 97–121.
31. Plotnik J.M., Waal F.B.M. de, Reiss D. Self-recognition in an Asian elephant // *Proceedings of the National Academy of Sciences USA*. 2006. Vol. 103. P. 17053–17057.
32. Prior H., Schwarz A., Güntürkün O. Mirror-induced behavior in the Magpie (*Pica pica*): evidence of self-recognition // *PLoS Biology*. 2008. Vol. 6. P. 1642–1650. <http://e202.doi:10.1371/journal.pbio.0060202>.
33. Reiss D., Marino L. Mirror self-recognition in the bottlenose dolphin: a case of cognitive convergence // *Proceedings of the National Academy of Sciences USA*. 2001. Vol. 98. P. 5937–5942.
34. Romero T., Castellanos M.A., Waal F.B.M. de. Consolation as possible expression of sympathetic concern among chimpanzees // *Proceedings of the National Academy of Sciences USA*. 2010. Vol. 107. P. 12110–12115.
35. Shumaker R.W., Walkup K.R., Beck B.B. *Animal tool behavior: The use and manufacture of tools by animals*. Baltimore: John Hopkins Univ. Press, 2011.
36. Silk J.B., House B.R. Evolutionary foundations of human prosocial sentiments // *Proceedings of the National Academy of Sciences USA*. Vol. 108. P. 10910–10917.
37. Tazbir J. *Okrucieństwo w nowożytnej Europie*. Warszawa: Sic!, 1993. S. 139.
38. *The Great Ape Project. Equality Beyond Humanity* / eds. P. Cavalieri, P. Singer. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1993.
39. Waal F. de. *Good Natured: The Origins of Right and Wrong in Humans and Other Animals*. Cambr. (Mass.): Harvard Univ. Press, 1996.
40. Waal F. de. *Primates and Philosophers: How Morality Evolved*. Princeton, N.J.: Princeton Univ. Press, 2006.
41. Waal F.B.M. de. Putting the altruism back into altruism: the evolution of empathy // *Annual Rev. of Psychology*. 2008. Vol. 59. P. 279–300.
42. Waal F.B.M. de, Suchak M. Prosocial primates: selfish and unselfish motivations // *Philosophical Transactions of the Royal Society B*. 2010. Vol. 365. P. 2711–2722.
43. Walker S. *Animal Thought*. L.: Routledge & Kegan Paul, International Library of Psychology Series, 1983. P. 224–235.